

ДУЭЛЬ С ВЕЧНОСТЬЮ

— Как все начиналось?

— Мой отец работал в сверхсекретном учреждении. Я только на его поминках узнал, что это был за человек. Он строил ракеты, написал несколько книг. Моя мама преподавала высшую математику. Такая вот, вовсе не актерская семья. Но жили мы на улице Москвина, в окружении театров, там же я и учился, и это повлияло на мою

судьбу. Как-то раз к нам в школу пришла группа из Театра имени Моссовета искать мальчика для спектакля «Студент третьего курса», который ставила Анисимова-Вульф. Я тогда учился в четвертом классе. Учителя, конечно, стали показывать отличников. А я сидел на последней парте, был наголо острижен и вообще считался хулиганом. Помню, завуч говорила: «Леньков, сегодня ты бросил тряп-

дию. Может, тебя там еще не забыли?» Я вернулся в Москву — и поступил.

— Кто набирал ваш курс?

— Завадский. Это был 1962 год. Студия существовала при театре, но преподавали в ней гитисовские педагоги. Замечательные

«Саша — уникальный человек, как актер и как личность. Он обладает достаточно специфической внешностью — может быть смешон, но канона глубина и драматизм его маленького, чаплинского человека! Его роли — всегда работа высочайшего класса, которая вызывает зависть. Это редкий театр!» Александр Толкачев

Орлова, Серафима Бирман — рассказывали о себе, о работе, о ролях. Юрий Александрович хотел, чтобы мы ощутили уровень личности этих людей. А моими сокурсниками были Рита Терехова, Боря Щедрин, Юра Кузьменков, Слава Бутенко, Лена Козелькова... А какие у нас были отрывки — многие из них просто завершённые спектакли, мы даже выступали с ними. С Тереховой мы сделали концертный номер — чарльстон. Между прочим, я до сих пор люблю ездить с программами. Выступаю перед самой раз-

ной аудиторией: в тюрьмах, в ПТУ. (Там я рассказывал о Булгакове и играл сцены из «Собачьего сердца», когда это еще было запрещено. Придумал моноспектакль. Для меня было очень важно рассказать это именно им.) Это гигантский тренаж. Любую аудиторию нужно уметь взять.

«Мы все были потрясены его Доном Криштофом в спектакле «Грест Гарсия Лорка». Он идеальный партнер для меня и для всех. Он откликается на любое мое движение тела и души. Саша был моим конкурентом, это большой мой друг, по-настоящему подлинный, настоящий человек!» Маргарита Терехова

— И детскую? Ведь одно из покорительных Ваших созданий — Король в «Пчелке».

— На этом спектакле дети никогда не мешают. Там все держится на любовной интриге, и играется она всерьез. Я бы и перед взрослыми играл точно так же. Спектакль идет уже пятнадцать лет. Я все хотел, чтобы дочка посмотрела. Потом думаю: «Надо, чтоб и взрос посмотрел». Ему два с половиной года. Он пришел. Спрашиваю: «Что тебе

«Леньков — замечательный артист, очень подвижный, себя не жалит, огромный выдумщик, заводила». Жалю, что наша режиссура ленива и использует талант актера лишь на какую-то часть, затрагивая только одну планку, а ведь он может все. На это надо что-то ставить специально, давать ему побольше ролей». Наталья Теникова

больше всего понравилось?» «Лягушка в фойе» (у нас там аквариумы со всякой живностью). Ну, думаю, надо играть еще, пока не поймет.

— А как с другими вашими работами?

— Я давно работаю в театре и сыграл во многих спектаклях. Одни мне не очень нравились, другие я любил. Но В 19 ноль-ноль я

«В начале перестройки я снялся в фильме «Встреча». Но режиссер решил сделать его совсем уж кассовым, и назвал его «Бля». Всеобщее такое слово... Эти три неоповные буквы горели над кинотеатром «Россия», правда, недолго. В ту пору звонит мне администратор из Тамбова и приглашает приехать с концертом. Спрашивает, какую делать афишу? А обычно пишу так: крупно — артист театра и кино, такой-то, фотография, и потом: снимался в фильмах таких-то. Я стал называть ему фильмы и историю: «Недавно я снялся в фильме «Бля». Только неловко. Вы напишите где-нибудь в уголке, медкими буквами. «Хорошо», — говорит. И вот я приезжаю в Тамбов, схожу с поездом и... не верю своим глазам: вся привокзальная площадь оклеена афишами, но какими! Гигантскими буквами «БЛЯ», а внизу мелко — артист Александр Леньков!»

ку, а завтра кинешь нож». Но почему-то выбрали именно меня, и так я стал играть детей в театре Моссовета. Потом был спектакль «Кража» по Джеку Лондону в постановке Завадского. И если в первом спектакле я играл сына уборщицы, то здесь уже — сына миллионера, и понимал, что играть его надо как-то иначе. А моей партнершей была ... Вера Петровна Марецкая. Она называла меня «сынуля». А в школе я получил кличку «артист» — высокое звание!

— Значит, вы уже с десяти лет знали, что будете актером?

— Вовсе нет. Я мечтал быть кинооператором. Потом появилась новая идея: архитектурный институт. Я ведь рисовал, оформлял школьные спектакли. И вот я поехал летом на юг, к дядьке, и получаю от мамы письмо, а в нем — вырезка из газеты. Мама писала: «Саша, ни в какой архитектурный ты не поступишь, не мечтай, а вот посмотри, в газете пишут: Театр имени Моссовета набирает сту-

«Мы играли в Ленинграде «Шум за сценой». И вот в финале первого акта, героиня что-то гневно кричит своему партнеру, и, о ужас! у нее открылась челюсть, а захлопнуться не может. Ее унесли за кулисы, там временно назвали антракт. Вызвали скорую — они говорят: «Мы это не лечим. Тут нужен спортивный врач». И бедняжку куда-то увезли. Антракт кончился, и мы понимаем, что се нет, и надо начинать без нее. И мы начали играть. На что мы рассчитывали — непонятно. А впереди еще полтора часа неизвестного пути. Проиграли так двадцать минут (они нам показались вечностью), и вот ее приносят. Рот закрыт, и актриса весь спектакль прошла, сжав губки, — боялась, что опять что-нибудь случится. А зрители, по-моему, ничего не поняли».